

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «СОВРЕМЕННОМ»

Давно уже было всем известно, что знаменитый поэт наш Александр Сергеевич Пушкин вознамерился издавать журнал; наконец первая книжка этого журнала уже и вышла, многие даже прочли ее, но, несмотря на то, у нас, в Москве, этот журнал есть истинная новость, новость дня, новость животрепещущая, и в этом смысле то, что хотим мы сказать о нем, будет настоящим известием. Дело в том, что у нас в Москве очень трудно достать «Современника» за какие бы то ни было деньги; несмотря на многие требования и нетерпение публики, в Москву прислано его очень небольшое число экземпляров. Странное дело! с некоторого времени это почти всегдашняя история со всеми петербургскими книгами, не издаваемыми, хотя и продаваемыми г. Смирдиным, и не сочиняемыми или не покровительствуемыми гг. Гречем и Булгариным. Эта же история случилась и с новым произведением г. Гоголя «Ревизор»: судя по нетерпению публики читать его, казалось бы, что в Москве в один день могла бы разойтись его целая тысяча экземпляров... Наконец и мы прочли «Современника» и спешим отдать в нем отчет публике.

«Современник» есть явление важное и любопытное сколько по знаменитости имени его издателя, столько и от надежд, возлагаемых на него одною частию публики, и страха, ощущаемого от него другою частию публики. Г. Сенковский, редактор «Библиотеки для чтения», аристарх и законодатель этой последней части публики, до того испугался предприятия Пушкина, что, забыв обычное свое благоразумие, имел неосторожность сказать, что он «отдал бы все на свете, лишь бы только Пушкин не сдержал своей программы». Подлинно, что у страха глаза велики, и справедливо, что устрешенный человек, вместо того чтоб бить по призраку, напугавшему его, колотит иногда самого себя...

Мы не будем входить в исследование вопроса: имеет ли право Пушкин издавать журнал; мы даже не почитаем себя вправе предложить такой вопрос и, как люди не испуганные и, следовательно, сохранившие присутствие духа и владычество рассудка, предоставляем другим подобные разбирательства: ученому и книги в руки, говорит пословица. Мы же с своей стороны прямо и искренно выскажем наше мнение о «Современнике», сколько позволяет это сделать первая вышедшая книга.

Признаемся, мы не думаем, чтобы «Современник» мог иметь большой успех; под словом «успех» мы разумеем не число подписчиков, а нравственное влияние на публику. По нашему мнению, да и по мнению самого «Современника», журнал должен быть чем-то живым и деятельным; а может ли быть особенная живость в журнале, состоящем из четырех книжек, а не книжищ, и появляющемся чрез три месяца? Такой журнал, при всем своем внутреннем достоинстве, будет походить на альманах, в котором, между прочим, есть и критика. Что альманах не журнал и что он не может иметь живого и сильного влияния на нашу публику, об этом нечего и говорить²⁰⁸. «Библиотека для чтения» особенно одолжена своим успехом тому, что продолжительность периодов выхода своих книжек заменила необыкновенною толстою их. Какая тут живость, какая современность, когда вы будете говорить о книге через три или через шесть месяцев после ее выхода? А разве вы не знаете, как неживущи, как недолговечны наши книги? Им не помогут и ваши звездочки, потому что они рождаются, по большей части, под несчастною звездою. Вот что мы находим главным недостатком в «Современнике».

Главное же достоинство его, если только это может почтяться каким-нибудь достоинством, состоит в том, что в нем все статьи оригинальные, кроме, разумеется, стихотворений. Каковы же эти статьи? А вот об этом-то мы и хотим поговорить.

«Современник» состоит из пяти стихотворений и одиннадцати прозаических статей. Стихотворения вообще все не без достоинства, кроме «Розы и кипариса». «Пир Петра Великого»²⁰⁹ отличается бойкостью стиха и оригинальностью выражения. «Скупой рыцарь», отрывок из Ченстонновой трагикомедии, переведен хорошо, хотя как отрывок и ничего не представляет для суждения о себе. Но «Ночной смотр» Жуковского есть одно из тех стихотворений, которых у нас теперь в целый год является не больше одного или двух... Это истинное перло поэзии как по глубокой поэтической мысли, так и по простоте, благородству и высоте выражения. Мы очень жалуем, что право собственности и величина пьесы не позволяют нам выписать его. Из прозаических статей прежде всего должно говорить о двух статьях г. Гоголя. Первая «Коляска» есть не что иное как шутка, хотя и мастерская в высо-

чайшей степени. В ней выразилось все умение г. Гоголя схватывать эти резкие черты общества и уловлять эти оттенки, которые всякий видит каждую минуту около себя и которые доступны только для одного г. Гоголя. Но пьеса все-таки не больше, как шутка, и, по нашему мнению, не может заменить собою отсутствия повести, которая почитается у нас необходимым украшением всякой книжки журнала, особенно первой. Вторая статья г. Гоголя «Утро делового человека», говорят, есть отрывок из его комедии. Во всяком случае, она представляет собою нечто целое, отличающееся необыкновенною оригинальностью и удивительною верностью. Если вся комедия такова, то одна она могла бы составить эпоху в истории нашего театра и нашей литературы, а г. Гоголь одну уже напечатал и еще, говорят, готовит две...²¹⁰ Эта пьеска есть отрывок из которой-то из них, как мы слышали. «Путешествие в Арзрум» самого издателя есть одна из тех статей, которые хороши не по своему содержанию, а по имени, которое под ними подписано. В самом деле, если есть на свете такие люди, которые за то что бы ни принялись, все портят, которые ничего не умеют порядочно сделать, то есть и такие, которые ничего не умеют делать дурно. Статья Пушкина не заключает в себе ничего такого, что бы вы, прочтя ее, могли пересказать, что бы вас особенно поразило, но ее нельзя читать без увлечения, нельзя не дочитать до конца, если начнешь читать*. «Разбор сочинений Георгия Конисского»²¹¹ хорош в том смысле, что дает ясное понятие о разбираемой книге и возбуждает желание прочесть самую книгу. Суждение о Георгии Конисском, как об историке и историческом лице, нам кажется справедливым, но чтобы он был хорошим проповедником, с этим мы не согласны: его красноречие — схоластическое и тяжелое. Самые дурные статьи, это — «О рифме» барона Розена и «Париж»²¹², этот род записки, писанной к приятелю на разных лоскутках, без всякой связи и занимательности, дурным языком. «Долина Ажитугай» примечательно как произведение Черкеса (Султана Казы-Гирея), который владеет русским языком лучше многих почетных наших литераторов.

Но самые интересные статьи — это «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг.» и «Новые книги»: в них видны дух и направление нового журнала. «Журнальная литература, эта живая, свежая, говорливая, чуткая литература также необходима в области наук и художеств, как пути сообщения для государства, как ярмарки и биржи для купечества и торговли». Так начинается первая статья, и мы выписали ее начало для того, чтобы показать, что «Современник» имеет настоящий взгляд на журнал. В самом деле, смешно было бы

* Кроме того, в этой статье есть превосходные стихи, которыми переведено одно турецкое стихотворение.

думать в наше время, чтобы журнал был энциклопедиею наук, из которой можно бы было черпать полною горстью знания, посредством которой можно было сделаться ученым. Только одни невежды и верхогляды могут так думать в наше время. Журнал есть не наука и не ученость, но, так сказать, фактор науки и учености, посредник между наукою и учеными. Как бы ни велика была журнальная статья, но она никогда не изложит полной системы какого-нибудь знания: она может представить только результаты этой системы, чтобы обратить на нее внимание ученых, как скорое известие, и публики, как рапорт о случившемся. Вот почему такое важное место, такое необходимое условие достоинства и существования журнала составляет критика и библиография, ученая и литературная.

Главное содержание разбираемой нами статьи состоит в суждении о литературных периодических изданиях в России за 1834 и 1835 год. Мы почитаем за долг сказать, что все эти суждения не только изложены резко, остро и ловко, но даже беспристрастно и благородно; автор статьи не исключает из своей опалы ни одного журнала, и хотя его суждение и о нашем издании совсем не лестно для нас, но мы не видим в нем ни злонамеренности, ни зависти, ни даже несправедливости. О «Библиотеке для чтения» высказаны истины резкие и горькие для нее, но уже известные и многими еще прежде сказанные. Одно только показалось нам и новым и крайне удивительным: мы не знали до сих пор, что паяснические повести и гаерские фанфаронады в критиках и рецензиях «Библиотеки» принадлежат почтенному профессору О. И. Сенковскому, что Барон Брамбеус и татарский критик Тютюнджи-оглу, тоже не кто другой как тот же г. Сенковский. О «Наблюдателе» сказана сущая истина, почти то же самое, что было сказано и в нашем журнале, только немного понисходительнее. Вообще «Современник» при всей своей благородной и твердой откровенности обнаруживает какую-то симпатию к «Наблюдателю». Например, сказавши, что это журнал безжизненный, чуждый резкого и постоянного мнения, он чрез несколько страниц приходит в восторг от критик г. Шевырева; потом намекает о каких-то перлах русской поэзии, будто бы находящихся в «Наблюдателе», а этот намек довольно ясно намекает о *знаменитых друзьях*, так по крайней мере нам показалось... В суждении о «Наблюдателе», к слову о его редакторе, высказана очень дельная мысль в том смысле, что обнаруживает верный взгляд на то, чем должен быть журнал: «Редактор всегда должен быть видным лицом. На нем, на оригинальности его слога, на общепонятности и занимательности языка его, на постоянной свежей деятельности его основывается весь кредит журнала». Вслед за тем, очень верно и очень остроумно замечено, что «Наблюдатель» похож на те ученые общества, где члены ничего не делают и даже не бывают в присутствии, между тем как прези-

дент является каждый день, садится в свои кресла и велит записывать протокол своего уединенного заседания».

Превосходно также характеризована «С. пчела»: она просто названа афишкой, в которой помещаются объявления о книгах вместе с критиками на помадные и табачные лавочки, пишущиеся какими-то «ловкими и хорошо воспитанными людьми, без сомнения, имевшими причины быть довольными фабрикантами». Очень остроумно также замечено о редакторстве г. Греча в «Библиотеке для чтения»: «Имя г. Греча выставлено было только для формы, по крайней мере никакого содействия не было замечено с его стороны. Г. Греч давно уже сделался почетным и необходимым редактором всякого предпринимаемого периодического издания: так обыкновенно пожилого человека приглашают в посаженные отцы на все свадьбы».

Нас очень изумило в этой статье упоминание о литературных сплетнях и клеветах, издаваемых под именем «Литературных прибавлений к Инвалиду»: неужели почтенный издатель читал эти листки и нашел свободное время говорить о них?.. Впрочем, одумавшись, мы перестали удивляться: в Москве очень недавно один журнал с каким-то особенным удовольствием объявил, что он живет в мире с «Литературными прибавлениями к Инвалиду» — да продлит бог эту дружбу на бесконечное время для доказательства, что и в наше время могут быть Оресты и Пилалы!..²¹³

Окончание статьи состоит в упреках нашим журналам, по большей части очень основательных и справедливых, в том, что они не замечали истинно важных явлений умственного мира, а занимались одними мелочами. К числу важных явлений умственного мира отнесена смерть Вальтера Скотта, одного из величайших, мировых гениев искусства, требовавшая оценки его произведений, о которых, однакож, наши журналы не почли за нужное сказать что-нибудь. Потом новое направление европейских литератур, о котором вопреки «Современнику» скажем, было очень много говорено нашими журналами. К замечательным явлениям нашей литературы, незамеченным нашими журналами, отнесено особенно появление изданий русских старинных писателей; но, спрашиваем мы почтенного издателя «Современника», что бы он сам сказал об этих писателях? — Мы подождем его мнения о них, а после и сами выскажем свое, чтобы загладить перед ним нашу вину в преступном молчании на их счет... Станным показалось нам мнение, что Жуковский, Крылов и кн. Вяземский будто бы потому не высказывали своих мнений, что считали для себя унижительным спуститься в журнальную сферу... Это что такое?.. Кто ж виноват в том, что эти писатели так горды? Притом же, что они за критики? — Крылов, превосходный и даже гениальный баснописец, никогда не был и не будет никаким критиком; Жуковский написал, кажется, две критические статьи: «О са-

тирах Кантемира» и «О басне и баснях Крылова», и при всем нашем уважении к знаменитому поэту мы скажем, что именно эти-то две его статьи и показывают, что он не рожден быть критиком. Что же касается до кн. Вяземского, то избавь нас боже от его критик так же, как и от его стихов...

Мы не согласны еще с тем, что будто бы жалкое состояние нашей журнальной литературы доказывается особенно тяжким делом о местоимениях *сей* и *оний*. Во-первых, этой тяжбы никогда не было; редактор «Библиотеки» шутил при всяком случае над этими подъяческими словцами, но статей о них не писал, а если и написал одну, то в виде шутки и поместил ее перед отделением «Смеси». Мы, напротив, осмеливаемся думать, что жалкое состояние нашей литературы и вообще нашей умственной деятельности гораздо более доказывается защитением и употреблением *сих* и *оних*, нежели нападками на *сии* и *оние*... Спрашиваем почтенного издателя «Современника», почему он, употребляя *сии* и *оние*, не употребляет *сиречь*, *по-неже*, *поелику*, *аще*, *сице*?.. Он, верно, сказал бы, потому что эти слова вышли из употребления, что они не употребляются в разговоре?.. Но чем же счастливее их *сии* и *оние*, которые тоже вышли из употребления и не употребляются в разговоре?.. Воля ваша, а, право, в нашей умственной деятельности, как и в нашей общественной жизни, очень мало видно владычества здравого смысла, даже в мелочах; у нас всякий сам хочет давать законы, забывая, что если что-нибудь найдено или замечено справедливо другим, о том уже нечего говорить. Посмотрите на одно правописание или на наши *правописания*, потому что у нас их почти столько же, сколько книг и журналов: мы еще изъявляем наше детское уважение большими буквами и поэту и поэзии, и литератору и литературе, и журналу и журналисту — все это у нас, на Руси, состоит в классе и потому требует поклона²¹¹...

Вообще эта статья содержит в себе много справедливых замечаний, высказанных умно, остро, благородно и прямо и потому подающих надежду, что «Современник» будет журналом с мнением, с характером и деятельностью. Мы не считаем резкости пороком, мы, напротив, считаем ее за достоинство, только думаем, что кто резко высказывает свои мнения о чужих действиях, тот обязывает этим и самого себя действовать лучше других²¹⁵. Что же касается до статьи «Новые книги», то она состоит больше в обещаниях, нежели в исполнении, и не представляет ничего решительного и замечательного²¹⁶. Но подождем второго номера: он нам даст средство высказать наше мнение о «Современнике» яснее и определеннее, а между тем останемся при желании, чтобы новый журнал совершенно выполнил те надежды и ожидания, которые подает имя его издателя и резкая определенность его мнений о деятельности своих собратий по ремеслу.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «СОВРЕМЕННОМ»

«Молва», 1835, № 7, стр. 3—12 (ценз. разр. 30 апреля 1836). Подпись: В. Б.

В 1836 году «Современник» издавался основателем его, А. С. Пушкиным. Разрешение на издание «Современника» было дано Николаем 14 января 1836 года: журнал начал выходить с предварительной цензурой по одному номеру в три месяца. Первый номер вышел 11 апреля 1836 года. Видное участие в нем принимали Плетнев, Одоевский, Жуковский, а первое время и Гоголь. Пушкин успел выпустить четыре книжки «Современника» и приготовить пятую. Смерть оборвала журналистскую деятельность поэта. «Современник» успехом не пользовался, и количество подписчиков его было незначительно. И. И. Панаев писал в своих воспоминаниях: «Современник» был довольно холодно принят в литературе и в публике» («Литературные воспоминания», 1928, стр. 229).

Белинский выступил с заметкой в защиту пушкинского журнала от нападения «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы». Однако он видит в «Современнике» нечто среднее между альманахом и журналом, а это, по его мнению, грозило явным неуспехом у публики. Белинский борется за резко выраженное литературно-общественное направление журнала. Вот почему он стремится поддержать обзор «О движении журнальной литературы» Гоголя и находит в нем близкое себе решение существенных вопросов журналистики и литературы. Но тут же он отмечает непонятное пристрастие «Современника» и обозревателя (Гоголя) к «Наблюдателю» и критике Шевырева.

Пушкин с исключительным вниманием отнесся к статьям Белинского. В его библиотеке уцелели отдельные номера «Телескопа», разрезанные только на статьях Белинского. Несмотря на то, что молодой критик писал о «закате таланта» Пушкина, отрицательно отнесся ко второму тому «Современника», поэт печатно приветствовал его первые шаги. Помимо настоящей статьи о «Современнике», Белинский высказывался об этом журнале в своих заметках по поводу выхода отдельных томов журнала. В рецензии на второй том Белинский отметил, что в статьях Вяземского, Одоевского с их аристократическими установками есть нечто близкое «Московскому наблюдателю». Пушкин под воздействием первой и второй рецензии Белинского печатает в III томе «Современника» свое «Письмо к издателю» за подписью А. Б., в котором соглашается с рядом высказываний «Телескопа» и горячо отмечает незаурядный талант молодого критика. «Жалею, — пишет он, — что вы, говоря о «Телескопе», не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий

большую надежду. Если бы с независимостью мнений и остроумием своим соединял он более учености, более осмотрительности, — словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного». Следует отметить, что этот отзыв появился в самый разгар борьбы Белинского с «Московским наблюдателем» и был мощной поддержкой для него.

Естественно, что Пушкин попытался привлечь Белинского к сотрудничеству в его журнале. Тайком от сотрудников «Наблюдателя» он вел с ним переговоры о постоянной работе и посылал через друзей (Нащокина, Чаадаева) номера «Современника».

Белинский к концу своего «телескопского ратования» стал серьезной общественной и литературной фигурой.

²⁰⁸ (Стр. 280). Об «альманачной безличности» Белинский писал в «Ничто о ничем».

²⁰⁹ (Стр. 280). «Розы и кипарисы» П. А. Вяземского; «Пир Петра Великого» Пушкина.

²¹⁰ (Стр. 281). Уже напечатан был «Ревизор». Две приготовляемые Гоголем пьесы, очевидно, «Женитьба» и «Владимир 3-й степени» (неоконченная). «Утро делового человека» — сцена из последней пьесы.

²¹¹ (Стр. 281). «Разбор сочинений Георгия Конисского» — анонимная статья Пушкина.

²¹² (Стр. 281). «Париж» — А. Тургенева.

²¹³ (Стр. 283). Пушкин в «Современнике» согласился с замечанием Белинского о неправомерности похвалы «Литературным прибавлениям»: «Позвольте вам заметить, — обращался Пушкин к Гоголю, — что вы хвалите г. Воейкова именно за то самое, за что негодуете на г. Сенковского: за шуточные разборы того, что не стоит быть разобрано не в шутку» (Полн. собр. соч., т. V, стр. 259). Журналом, объявившим о своей дружбе с «Литературными прибавлениями», был «Московский наблюдатель» (1836, т. VI, статья Шевырева «Москва и Петербург»).

²¹⁴ (Стр. 284). С этим замечанием Белинского о «сих» и «оних» Пушкин выразил согласие в своем «Письме к издателю», в том же номере «Современника».

²¹⁵ (Стр. 284). Статья «О движении журнальной литературы в 1834 г. и 1835 г.» принадлежала Гоголю. В черновых набросках он писал о Белинском (в статью не вошло): «В критиках Белинского, помещавшихся в «Телескопе», виден вкус, хотя еще и не образовавшийся, молодой и опрометчивый, но служащий порукою за будущее развитие, потому что в них много есть прежней семейственности критики, что вовсе неуместно и неприлично, а тем более для публики» (Соч. Гоголя, 10-е изд., т. VI, стр. 342).

²¹⁶ (Стр. 284). В отделе «Новые книги» был обещан разбор 60 книг. Разобраны были только некоторые из них.